

— Никогда не видел, чтобы кто-то так уверенно говорил такие вещи, — Мужун Цзю причмокнул губами, невольно проведя языком по своим розовым губам.

Он вытянул шею, чтобы заглянуть за спинку дивана в сторону кухни, и без особого энтузиазма добавил:

— Ладно, желаю тебе успеха, чтобы поскорее завоевал сердце своей красавицы... Эм, ужин, наверное, почти готов? Пойду проверю.

С этими словами он выпрямил ноги, которые до этого были скрещены, поставил их на пол и встал, но, не успев как следует выпрямиться, снова опустился на диван, чувствуя слабость в ногах.

— Ой! — воскликнул Мужун Цзю, начав массировать свои бедра. — Сидел слишком долго, ноги затекли!

Шао Цихань не стал ни смеяться, ни утешать его. Молча, он пристально смотрел на длинные, изящные пальцы Мужун Цзю, которые массировали его бедра, и на сами бедра, которые казались такими же белоснежными, как и пальцы. Он не отрывал взгляда, пока Мужун Цзю снова не попытался встать. Тогда он слегка повернул голову, словно подсолнух, следующий за солнцем, и продолжал наблюдать за каждым движением Мужун Цзю, пока тот не исчез из его поля зрения. Только тогда Шао Цихань опустил голову, уставившись вниз.

Он прищурился, отчего на его лице появились две милые складочки под глазами и несколько мелких морщинок в уголках. Шао Цихань посмотрел на свою правую руку, и его выражение лица стало неоднозначным.

— Желаю тебе успеха, чтобы поскорее завоевал сердце своей красавицы.

А-Цзю, благослови меня, я постараюсь. Надеюсь, не разочарую тебя.

Он боялся, что, если Мужун Цзю узнает правду, то больше никогда не станет с ним общаться, а может, даже возненавидит. Разве это не будет означать, что дружба потеряна, а любовь недостижима? Шао Цихань не был тем, кто бросает важное ради пустяков. Тем более, что в этом случае он мог потерять и то, и другое, и в итоге оказаться в полном провале.

Но это не означало, что он действительно остановится. И он не был Гамлетом, глупо упустившим идеальный момент для мести. Шао Цихань всегда был человеком действия, а не размышлений. Он мог не много думать, но, как только определялся с чувствами, ничто не могло его остановить.

Он не решался на малейшие намеки, потому что понимал, насколько чувствителен был человек, который ему нравился. Проницательность Мужун Цзю была просто феноменальной.

Шао Цихань помнил, как во время репетиции спектакля он просто подошел чуть ближе, и Мужун Цзю тут же строго предупредил его.

Что он тогда сказал? Что шутки не должны заходить слишком далеко?

— Эм, что же делать? — Шао Цихань сидел на диване и виновато бормотал себе под нос. — Шутка уже зашла слишком далеко, ах... Прости меня, А-Цзю.

— Ладно, я разберусь, — продолжил он, глядя на свою правую руку, которая сама собой сжалась в кулак, оставляя торчать только указательный палец.

Он втянул носом воздух.

Если А-Цзю был таким же осторожным, как дикий заяц, то ему придется действовать медленно, как в притче о лягушке, которую варят в теплой воде. Нет, скорее, как в притче о зайце.

Шао Цихань медленно поднял правую руку и, открыв рот, взял указательный палец в рот.

Ветер был холодным, а дождь мелким и туманным.

Шао Цихань шел по мокрым улицам, держа в руке черный зонт на длинной ручке. Его черные туфли шлепали по лужам, разбрызгивая воду, которая смешивалась с грязью и оставляла пятна на брюках.

Этот человек, несущий с собой холод, шел быстро и решительно, словно спешил на важную встречу или убегал от страшного чудовища. Он прошел через оживленные улицы, через равнодушную толпу, и только когда вдали увидел парк, расположенный у подножия горы, остановился.

Шао Цихань стоял на одной стороне асфальтовой дороги, поправляя темно-коричневый шерстяной шарф на шее и приглаживая слегка растрепанные черные волосы. Приведя себя в порядок, он глубоко вздохнул, выпрямился и снова пошел через пустую дорогу.

Если бы не мелкий дождь, сейчас было бы время, когда парк заполнялся людьми. Но погода была не самой подходящей для прогулок, и любители прогулок по горным тропам парка куда-то исчезли. Поэтому, обойдя бамбуковую рощу, Шао Цихань сразу увидел Мужун Цзю, спокойно сидящего на скамейке с высокой спинкой.

Мужун Цзю не держал зонт, и в дождевом тумане он мягко улыбался Шао Циханю.

Шао Цихань шел не спеша, но, увидев его, невольно ускорил шаг и вскоре оказался перед Мужун Цзю.

Мужун Цзю поднял на него взгляд, его темно-карие глаза отражали влагу. Капли дождя падали на его щеки и губы, скатываясь вниз. Его светло-каштановые волосы, промокшие, плотно прилипли к щекам, а с кончиков волос время от времени падали блестящие капли.

— Ты... — Шао Цихань нахмурился, слова упрека уже были на языке, но он проглотил их.

Молча, он поднял зонт над головой Мужун Цзю.

Они смотрели друг на друга, пока Шао Цихань больше не мог выносить этой странной атмосферы.

— ...Я был неправ, А-Цзю, — после долгой внутренней борьбы Шао Цихань наконец произнес, словно с облегчением. — Я... ошибался.

Мужун Цзю не удивился и не обрадовался. Он словно не слышал, его лицо оставалось спокойным, и он продолжал улыбаться.

— Прости меня, А-Цзю, — Шао Цихань твердо держал зонт над Мужун Цзю, не обращая внимания на то, что его волосы и плечи промокли.

Он пристально смотрел на Мужун Цзю и тихо сказал:

— Я сожалею, я готов измениться, если только ты...

Если только ты простишь меня.

Шао Цихань горько сжал губы. Он не удержался и медленно протянул руку к бледному лицу Мужун Цзю.

Его рука не коснулась теплой кожи, не коснулась холодной кожи. Его рука прошла сквозь лицо Мужун Цзю, словно сквозь воздух.

Шао Цихань замер, а Мужун Цзю в его глазах начал постепенно исчезать, пока не растворился совсем, словно его никогда и не было. Только мелкий дождь продолжал падать на черную скамейку, выстукивая разные ноты.

— Ха... — Шао Цихань, ошеломленный до крайности, не смог сдержать смешка.

Его рука разжалась, и зонт упал на скамейку, а затем на землю, где покатился и остановился.

Шао Цихань упал на скамейку, закрыл лицо руками и засмеялся так сильно, что слезы выступили на глазах.

Как он мог забыть? Его А-Цзю уже умер.

Его А-Цзю умер в ту холодную ночь, умер у него на руках.

Шао Цихань смеялся, пока не смог больше смеяться. Он прикрыл лицо руками, и горячие слезы текли сквозь пальцы, смешиваясь с дождем.

В тот день тоже шел мелкий дождь, и он шел на встречу с зонтом в руке.

Шао Цихань не хотел встречаться с Мужун Цзю, но услышал, как тот спокойно сказал по телефону:

— Это будет последний раз в моей жизни, когда я увижу тебя, Шао Цихань.

У человека в жизни много первых раз, но последних разов обычно мало. Не зная будущего, как можно быть уверенным в «последнем разе»?

Но Мужун Цзю сказал это, и Шао Цихань поверил, хотя их отношения уже были хуже, чем просто испорченные.

Мужун Цзю назвал место, которое было хорошо знакомо Шао Циханю — парк у подножия горы, где они часто бывали в юности.

Место встречи было выбрано здесь, и в сердце Шао Циханя уже зародилось предчувствие. Ему все меньше хотелось видеть Мужун Цзю, но это было его обещание — последний раз.

Он уже порвал с Мужун Цзю, Группа Мужун была на грани краха, и Мужун Цзю был как загнанный зверь.

И в этот момент Мужун Цзю сказал:

— Давай встретимся.

Ну что ж, встретимся.

Шао Цихань увидел Мужун Цзю. Тот был бледен, с темными кругами под глазами, но одет аккуратно и выглядел бодро.

<http://bllate.org/book/15114/1335827>